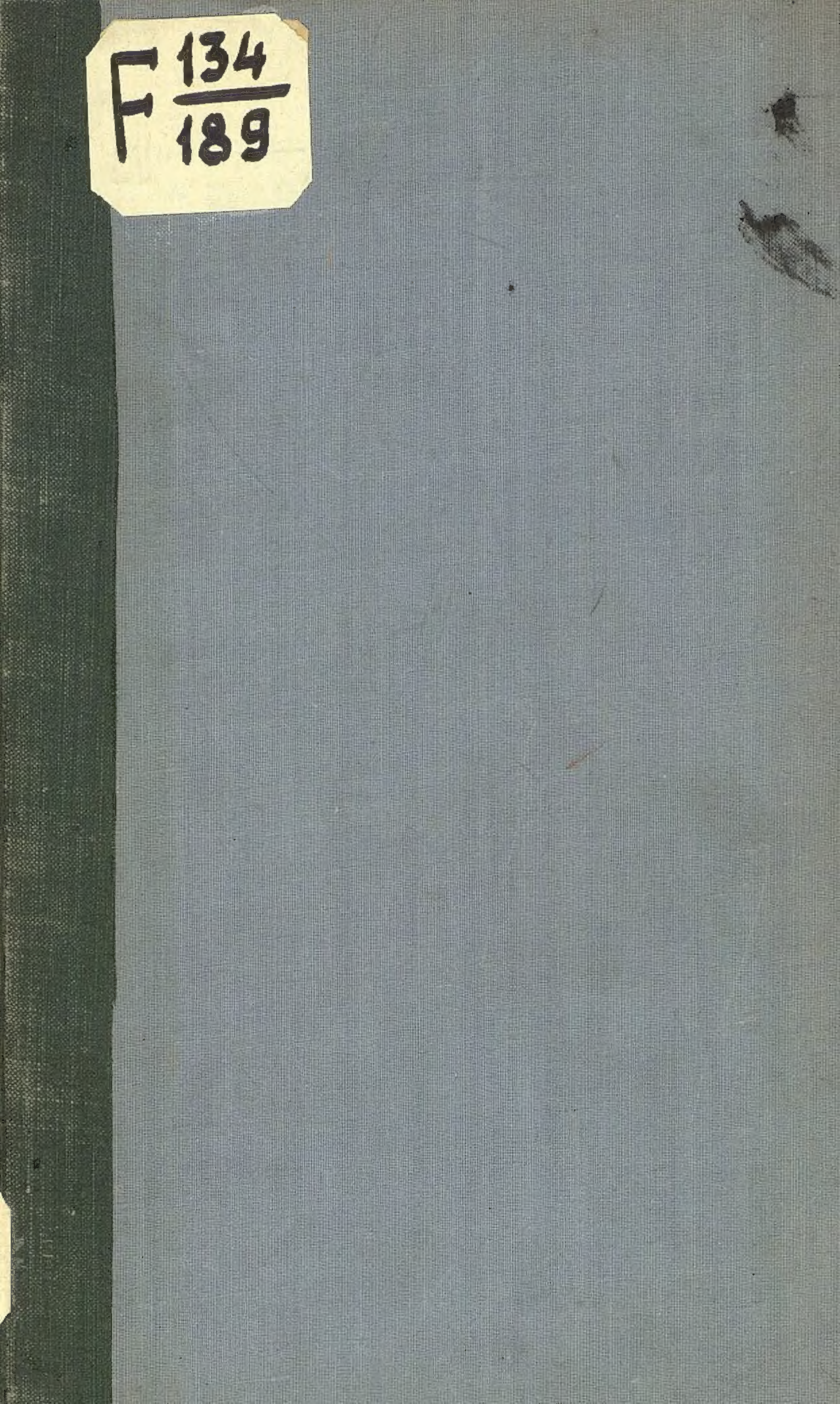

F 134/189

2007044165

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

1581 — 1584 г.

Пусть Испанія гордится Колумбомъ, открывшимъ Америку, новую часть свѣта, богатую благородными металлами и драгоцѣнными каменьями. Пусть Португалія славится Васко де Гамою, который отважился пуститься по неизвѣстному до него морскому пути, объѣхалъ южный мысъ Африки и открылъ Европейцамъ путь въ Восточную Индію. Пусть и другія Государства восхищаются великими дѣлами своихъ героевъ. Но и наше Отечество, пространная и Богомъ благословенная Россія, украшается своими Колумбами и Васко де Гамами. Стоитъ только раскрыть Исторію Государства—завѣса съ вѣковъ прошедшихъ поднимется и испытующему взору представится длинный рядъ именъ ихъ. Я намѣренъ сказать только объ одномъ изъ нихъ, близкомъ къ сердцу насъ, Сибирскихъ жителей, объ Ермакѣ, покорителѣ Сибири.

Ермакъ, а правильнѣе Василій Тимоѳеевичъ, [1] родился не въ великолѣпныхъ чертогахъ вельможъ, не отъ родителя, прославленнаго храбростію, или другими качествами и достоинствами.

---

[1] Въ то время было обыкновеніе давать людямъ имена по ихъ нравственнымъ свойствамъ; не только простолюдины, но и знатные сановники, назывались въ Государственныхъ бумагахъ: Тишинами, Истомами, Неудачами и проч., съ прибавленіемъ Христіянскаго отчества (Исторія Россійскаго Государства, Карамзина, т. IX, гл. 7-я, страница 458, изданія 1834 г.). Чеботай Ѳедоровъ, Алмазъ Ивановъ, Третьякъ Васильевъ, Бѣлянина Лаврентьевичъ. По тогдашнему Волжскому нарѣчію Ермакъ означалъ жерновый камень. Это названіе дано Василью Тимо-

Отецъ его былъ посадскій человѣкъ и прозывался Аленинъ. Бѣдное состояніе заставило его отдать сына своего, Василія, достигшаго совершеннаго возраста, въ работу на суда, ходившія по Волгѣ и Камѣ. Тамъ нѣсколько времени онъ находился между товарищами различныхъ нравовъ. Потомъ оставилъ судовое ремесло и перешелъ на Волгу, а потомъ на Донъ, въ общество вольныхъ людей, которыхъ Исторія называетъ Казаками. Крѣпость силъ тѣлесныхъ, разсудительность, духъ предпріимчивости, неустрашимость при нападеніяхъ, доставили ему званіе Атамана. Находясь въ этомъ обществѣ нѣсколько времени, онъ, съ своими товарищами, подъ именемъ «удальства,» производилъ грабежи по Волгѣ и Дону. Наконецъ, Посланникъ отъ Персидскаго Двора, отправленный къ Россійскому Царю, дерзнувшій оскорбить самолюбіе Ермака и его Казаковъ, кончилъ жизнь свою подъ остріемъ меча ихъ. Вскорѣ вѣсть объ этомъ злодѣйствѣ дошла до Государя. Иванъ IV, для поимки этѣхъ злодѣевъ, послалъ войско подъ начальствомъ Казанскаго Воеводы, Стольника Ивана Мурашкина, который пойманныхъ казнилъ смертію, но многіе спаслись бѣгствомъ: къ нимъ принадлежалъ Ермакъ съ Казаками.

Татарскій Ханъ Кучумъ, овладѣвшій Сибирью, сначала искалъ благоволенія Ивана IV, но въ послѣдствіи усилившись, уже не исполнялъ обязанностей данника. Онъ возбуждалъ Черемисовъ къ бунту противъ Государя Московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ Юграмъ и Остякамъ платить дань Россіи. Въ 1573 г. онъ послалъ своего племянника, Маметкула, развѣдать и, если можно, истребить всѣ Русскія заведенія въ окрестностяхъ рѣки Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ, какъ непріятель, умертвилъ тамъ многихъ жителей, взялъ въ полонъ женъ и дѣтей и Московскаго Посла, Третьяка Чебукова, ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую Орду; но узнавъ, что въ городахъ Чусовскихъ довольно ратныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Именитые люди Строгоновы, имѣвшіе свои поселенія по рѣкамъ Чусовой и Камѣ, донесли объ этомъ Ивану IV и просили Указа строить крѣпости, чтобы стѣснить Кучума въ его владѣніяхъ и утвердить

ѳѣевичу товарищами на Волгѣ, вѣроятно, въ означеніе его твердаго, какъ камень, характера и крѣпости силъ тѣлесныхъ.

безопасность Русскихъ. Они не просили ни войска, ни оружія, но единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую, и получили ее, отъ 30 Мая, 1574 г. Въ грамотѣ этой написано, что Яковъ, Григорій и Семенъ Строгоновы [2] могутъ укрѣпиться на берегахъ рѣки Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучумомъ. Въ то время Ермакъ съ своими Казаками скрывались на рѣкѣ Камѣ, въ опасности быть пойманными. Максимъ Строгоновъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ убѣждалъ его и дружину оставить разбойничество, быть воинами Царя Бѣлаго, примириться съ Богомъ и Россіею и идти воевать Сибирскаго Царя, Кучума. Прочитавъ это письмо, Ермакъ прослезился отъ умиленія. Мысль свергнуть съ себя опалу честными дѣлами, Государственною заслугою, и перемѣнить имя грабителей на имя добрыхъ воиновъ Отечества, тронула сердца грубыя, но не лишенныя еще совѣсти. Какъ бы глубоко ни спала совѣсть, но бываютъ въ ней сильныя потрясенія, въ минуту дѣйствій благодатныхъ. Голосъ свыше назначеннаго призыванія отозвался въ душѣ Ермака. [3] Онъ поднялъ знамя и прибылъ съ Казаками къ Строгоновымъ, которые добавили ему ратниковъ, такъ что составилось всего войска до 5000 человѣкъ, [4] снабдили ихъ провіантомъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ, вожатыми изъ Зырянъ и Вогуловъ и знаменами съ святыми изображеніями. Атаманъ Ермакъ учредилъ полки, назначивъ начальниковъ въ родѣ Полковниковъ; это были: Иванъ Коль-

---

[2] Отецъ ихъ, Аника Өедоровичъ Строгоновъ, основатель Пермскихъ соляныхъ варницъ по рр. Камѣ и Чусовой, на пожалованной ему, въ 1554 г., Царемъ Иваномъ IV землѣ. Онъ такъ былъ богатъ, что болѣе трехъ столѣтій идетъ поговорка, когда говорятъ о весьма богатомъ человѣкѣ: «Онъ богаче Аники Строгонова.» Этотъ Аника построилъ, въ 1560 г., своимъ иждивеніемъ, Пискорскій Преображенскій монастырь, на рѣчкѣ Пыскорѣ, при впаденіи въ Каму. Аника, по смерти жены своей, Софіи, принялъ схиму, съ именемъ Іоасафа, и скончался въ 1570 г., въ бытность Настоятеля монастыря Игумена Варлаама.

[3] Будучи въ дѣтствѣ, я слыхалъ старинную пѣсню отъ старыхъ людей объ Ермакѣ, изъ которой припоминаю только нѣсколько словъ: «Какъ возговорилъ атаманъ Ермакъ своимъ товарищамъ: Ой вы гой еси, мои друзья товарищи! Во Казань-то идти намъ, быть пойманнымъ, во Москву-то идти—быть повѣшеннымъ. Не лучше ли намъ, братцы, во Сибирь идти, во Сибирь идти, Царя Кучума воевать.»

[4] Сибирская Лѣтопись, рукопись, принадлежащая библіотекѣ Тобольской Семинаріи 1580 г., отдѣлъ 4. — Исторіи Миллера книга 1, ч. 2, § 33.

цо, Иванъ Гроза, Никита Мещерякъ, Яковъ и Матвѣй. Послѣ совершенія Господу Богу, въ напутствіе молебна, Ермакъ выслушалъ наказъ Строгоновыхъ: «ити съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Солтана Кучума.» Ермакъ и дружина, съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія, взяли съ собою двухъ Священниковъ, подвижную, во имя Святителя Николая, часовню съ иконами, и 12 Іюня, 1579 года, отправились на стругахъ водою въ Сибирь.

Ермакъ съ Казаками четыре дня плыли въ верхъ по рѣкѣ Чусовой до Уральскаго хребта и между горами, подъ навислыми ихъ скалами, два дня рѣкою Серебрянною, и ею достигли, такъ называемаго, пути Сибирскаго. Тутъ остановились, и разсуждая, что ожидаетъ ихъ впереди, для безопасности, отъ нападенія обитавшихъ тамъ племенъ, сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя «Кокуй городокъ.» Оттуда черезъ Волокъ перевезлись до рѣки Журавли. Этою рѣкою и Тагиломъ вошли въ рѣку Туру и область Сибирскаго Царства, и тамъ въ первый разъ обнажили мечъ завоеванія. Проѣзжая рѣкою Турою, Ермакъ съ своею дружиною слѣдовалъ въ городокъ Епанчинъ, гдѣ проживалъ Татарскій Князецъ Епанча, у котораго не только окружные Татары, но и Вогулы, были въ подданствѣ. Этотъ Князецъ набралъ множество народа, чтобы Ермаку въ проѣздѣ воспрепятствовать. Епанча сдѣлалъ нападеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится село Усениново. Оттуда рѣка Тура идетъ къ сѣверу излучиною, которая у Епанчина оканчивается. Это мѣсто Епанчѣ казалось удобнымъ. Между тѣмъ Ермакъ, съ своимъ войскомъ, плыли по рѣкѣ дальнею кривизною. Пускаемыя съ берегу Татарами стрѣлы Казакамъ ни какого вреда не дѣлали, а напротивъ ихъ огнестрѣльное оружіе [5] дѣйствовало съ желаннымъ успѣхомъ противъ непріятеля. Одинъ громъ пушекъ и оружія разогналъ почти всю Татарскую и Вогульскую силу. Въ отмщеніе за это нападеніе Ермакъ, достиг-

---

[5] При Тюменскомъ городовомъ волостномъ Правленіи я видѣлъ, въ 1852 г., четыре затинныя пищали, длиною каждая до 2 арш., толщиною 4 дюйма, дуло въ поперечникѣ 3, а жерло $1\frac{1}{2}$ дюйма; отъ затравки къ заднему концу пищали четыреугольны. По преданію этѣ пищали принадлежали Ермаку. См. Статью мою: «Г. Тюмень,» въ Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., №№ 50, 51 и 52.

ши городка Епанчи (Туринскъ), остановился и, по разграбленіи его, все оставшееся обратилъ въ пепелъ. Прочія Татарскія деревни, находившіяся при рѣкѣ Турѣ, также были опустошены [6]

Въ 1580 г., Августа 1, Ермакъ достигъ Татарскаго города Чинги-Тура или Тюмени, и овладѣлъ имъ безъ всякаго сопротивленія. Тюменскіе Татары были богаты хлѣбомъ и скотомъ, и Казаки тамъ заготовили для себя много съѣстныхъ припасовъ. Ермакъ зимовалъ въ Тюмени, [7] посылалъ въ окрестныя мѣста Казаковъ въ разъѣзды, которымъ приказалъ требовать у Татаръ не только съѣстныхъ припасовъ, но и подарковъ, въ видѣ дани, мягкою рухлядью. Изъ посланныхъ Казаковъ пришло нѣсколько въ Тарханскій городокъ, находившійся близъ впаденія рѣки Туры въ Тоболъ. Въ это самое время случился тамъ, отправленный отъ Хана Кучума, Татарскій чиновникъ Кутугай, для сбора подати, котораго Казаки взяли въ плѣнъ и представили Ермаку въ Тюмень. Ермакъ спросилъ его, съ учтивостью и почтеніемъ, о здоровьѣ Хана Кучума и его семействѣ, и объявилъ, что на будущую весну онъ изъ Сибири возвратится въ Россію. При чемъ приказалъ пяти Казакамъ стрѣлять изъ ружей, чему Татаринъ, никогда не видавши такого оружія, чрезвычайно удивился. Затѣмъ Ермакъ отпустилъ Кутугая въ Сибирь со многими подарками и велѣлъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Хану, его супругамъ, сыновьямъ и высшимъ Мурзамъ Ханскаго Двора. [8] Изъ Тюмени Ермакъ съ Казаками, 9 Мая, 1581 г., отправился внизъ по рѣкѣ Турѣ. Между тѣмъ шесть Татарскихъ Князьковъ, соединившись съ своими людьми, ожидали Ермака при устьѣ рѣкѣ Туры, т. е., близъ Тарханскаго городка. Трое изъ нихъ назывались Кашкара, Варвара и Майтмасъ (нынѣ Татарскія селенія сего названія). Тамъ было жестокое сраженіе, которое продолжалось нѣсколько дней съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ Ермакъ побѣдилъ ихъ и взялъ много добычи. [9]

---

[6] Описаніе Сибирскаго Царства, Миллера. Книга 1, глава 2, §§ 46 и 47.

[7] Тамъ же § 48.

[8] Тамъ же § 49.

[9] Тамъ же § 51.

Послѣ всѣхъ сказанныхъ сраженій у Ермака значительно уменьшилось число Казаковъ, съ которыми онъ продолжалъ путь свой по Тоболу. У Березовскаго яра опять напала на нихъ Татарская сила и нѣсколько дней ихъ безпокоила; однако жь, они пробились сквозь непріятеля безъ всякаго урона.

Далѣе по Тоболу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка узка и по правую сторону имѣетъ высокій крутой берегъ, Кучумъ приказалъ поперекъ рѣки протянуть желѣзную цѣпь, и послалъ туда съ войскомъ Есаула Алишая, чтобы Казаковъ караулить и лѣсомъ итти впередъ судовъ, когда же суда удержаны будутъ, тогда напасть на нихъ. Такъ и сдѣлалось. Но Ермакъ, чрезъ лазутчиковъ, узналъ о высылкѣ Татарскаго войска и употребилъ слѣдующую хитрость. Онъ заранѣе послалъ ночью Казаковъ на берегъ нарубить прутняку въ ростъ человѣка и навязать его въ пуки. Приказаніе исполнено: на прутняковые пуки была надѣта излишняя Казачья одежда. Этѣхъ чучелъ поставили на суда, оставивъ только нѣсколько Казаковъ, которые бы могли управлять судами, а самъ Ермакъ со всѣми прочими, за нѣсколько верстъ выше яра, вышелъ на берегъ. Татары видѣли много людей (чучелъ) на судахъ. [10] При закатѣ солнца, когда Татары приносили молитву, по случаю новой луны, Ермакъ съ товарищами помолились Спасителю, и тихимъ ходомъ подошедъ съ тылу къ молившимся Татарамъ, привели ихъ въ изумленіе, робость, замѣшательство, и разбили совершенно. На томъ мѣстѣ находится нынѣ деревня Караульный яръ. [11]

За тѣмъ Ермакъ сошелъ съ берега на суда, смѣнилъ прутняковое войско настоящими Казаками, совершилъ молебенъ предъ хоругвею Спасителя и отправился далѣе.

Ермакъ съ Казаками прибыли на устье рѣки Тавды. Тамъ, въ числѣ другихъ Татаръ, они взяли чиновника Кучумова Двора, Таузака, который, впрочемъ, освобожденъ былъ, за то, что сообщилъ

---

[10] Татары пущали стрѣлы въ мнимыхъ Казаковъ, но они не падали и стояли крѣпко, чему Татары, не подозрѣвая поддѣлки, крайне удивлялись.

[11] Тамъ же § 53.

всѣ имъ нужныя свѣдѣнія о землѣ своей. Таузакъ, возвратившись къ Кучуму, описалъ Казаковъ воинами неодолимыми, стрѣляющими огнемъ смертоноснымъ на вылетъ, сквозь латы. Но Кучумъ имѣлъ твердый характеръ: рѣшился стать мужественно за свое Царствъ Онъ собралъ войско изъ Татаръ, Остяковъ и Вогуловъ, выслалъ племянника, Маметкула, въ поле, съ многочисленною конницею, на встрѣчу Ермаку, [12] самъ же укрѣпилъ свою столицу, Сибирь, рвомъ, и окрестнымъ Мурзамъ велѣлъ тоже сдѣлать. Кромѣ того, для безопасности, приказалъ, на восточномъ берегу Иртыша, подъ Чувашскимъ мысомъ, сдѣлать засѣку, дабы преградить путь Казакамъ въ г. Сибирь, и по рѣкѣ Тоболу разставилъ караулы, чтобы о приближеніи Казаковъ имѣть свѣдѣніе.

Съ устья Тавды Ермакъ слѣдовалъ далѣе. Но какъ онъ, послѣ 30 верстъ, доплылъ до Бабазанскихъ юртъ, которыхъ владѣльцемъ былъ Мурза Бабазанъ, то тамъ встрѣтило его Татарское войско, подъ предводительствомъ Маметкула, и началось сраженіе. Ермакъ, стоя въ окопѣ, возложилъ упованіе на Бога, и нѣсколькими залпами изъ оружій остановилъ стремленіе десяти, или болѣе, тысячъ всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслись во весь духъ потоптать Русское войско. Ермакъ съ своими Казаками вступилъ противъ Татаръ въ бой, съ чрезвычайною смѣлостью и храбростью. Татарская кровь текла на нѣкоторыхъ мѣстахъ ручьями, и множество лежавшихъ труповъ препятствовало непріятелямъ чрезъ нихъ на лошадяхъ пробиваться. Сраженіе продолжалось пять дней, пока Татарское войско совсѣмъ съ поля было сбито. Маметкулъ обратился въ бѣгство. Это между прочими сраженіями было главнѣйшее. [13]

Казаки 26 Іюля на разсвѣтѣ дошли до устья рѣки Турбы, которая впадаетъ въ Тоболъ съ правой стороны. Тамъ встрѣтила ихъ Татарская сила и грозила нападеніемъ, если они далѣе будутъ слѣдовать. Не въ дальнемъ разстояніи ниже Турбы, по правую сторону Тобола, находится высокій крутой берегъ, который далеко внизъ по рѣкѣ простирается, и отъ того прозванъ

---

[12] Строгоновская Сибирская лѣтопись, страп. 26—29.

[13] Тамъ же, стран. 30—31.

долгимъ яромъ.» Съ этого мѣста Татары слѣдили за Казаками, плывшими по рѣкѣ, и пущали въ нихъ стрѣлы. Видя это, Ермакъ остановился не въ дальнемъ разстояніи, повыше долгаго яра, у острова. Тамъ Казаки отправляли усердныя молитвы Богу, предъ образомъ Спасителя, который былъ изображенъ на военномъ знамени. Послѣ молитвы всѣ они ободрились, и защищеніе Божіе такъ было явно, что изъ несчетныхъ непріятельскихъ стрѣлъ, которыя безпрестанно въ нихъ были пускаемы, ни одна Казакамъ вреда не сдѣлала.[14]

Не дойдя до устья Тобола 16 (700 саж.), а по нынѣшнему около 25, верстъ, 1 Августа остановился Ермакъ съ Казаками въ Татарскомъ улусѣ. Въ немъ жилъ Карача, знатный Мурза и думный совѣтникъ Кучума. Съ нимъ Ермакъ имѣлъ жестокое сраженіе и, послѣ одержанной побѣды, взялъ тамъ много добычи, состоящей изъ золота, серебра, жемчуга, дорогихъ камней, а также во множествѣ хлѣба, скота и меду. Въ то время насталъ постъ Успенія Божіей Матери, который обыкновенно продолжается 14 дней, но Ермакъ самъ приказалъ Казакамъ, по своему обѣщанію, поститься 40 дней, чтобы чрезъ это испросить у Бога въ будущихъ предпріятіяхъ счастія и благополучнаго успѣха. Всѣ этѣ 40 дней провели они въ Карачинѣ улусѣ спокойно, безъ военныхъ дѣйствій. Оттуда 14 Сентября Ермакъ съ войскомъ слѣдовалъ на судахъ по Тоболу; при устьѣ его встрѣтили множество Татаръ, которые караулили его. Тамъ произошло жаркое сраженіе, продолжавшееся нѣсколько дней, и Казаки одержали побѣду. Отъ устья Тобола Казаки пошли вверхъ по Иртышу, по западному его берегу, и версты чрезъ четыре прибыли въ городокъ Атикъ (Заостровныя юрты). Тамъ жилъ Татарскій Мурза Атикъ. Вышедши на берегъ, Казаки овладѣли этѣмъ городкомъ, исдѣлали его своимъ становищемъ, снося въ него все имущество бывшее у нихъ на стругахъ. Они пробыли въ немъ нѣсколько дней. Число войска у Ермака въ сраженіяхъ уже значительно уменьшилось:

---

[14] По этому случаю можно полагать, не въ дальнемъ разстояніи отъ деревни Долгоярской и села Худяковскаго, находится, въ березовой рощѣ, на лѣвой сторонѣ дороги изъ Тобольска, въ нѣсколькихъ саженяхъ, съ давнихъ временъ часовня, и въ ней образъ нерукотвореннаго Спасителя.

кромѣ убитыхъ, было не мало и раненыхъ. Въ послѣднюю предъ главнымъ сраженіе ночь Ермакъ и главные по немъ совѣтовались съ прочими Казаками, что имъ дѣлать? Раздался голосъ робкихъ: «Мы удовлетворили мести, сказали они, и время итти назадъ. Всякая новая битва для насъ опасна, ибо скоро будетъ некому побѣждать;» но Ермакъ съ прочими главными по немъ и неустрашимыми Казаками отвѣтствовали: «Нѣтъ, братья, намъ путь только впередъ. Уже рѣки покрываются льдомъ: обратимъ тылъ, замерзнемъ въ глубокихъ снѣгахъ, а если и достигнемъ Руси, то съ пятномъ клятвопреступниковъ, обѣщавъ смирить Кучума, или великодушною смертію загладить наши вины предъ Государемъ. Мы долго жили худою славою, умремъ же съ доброю: Богъ свыше даетъ побѣды, кому хочетъ, не рѣдко слабымъ мимо сильныхъ. Да святится имя Его!» Дружина сказала: «Аминь!» [15]

Съ первыми лучами солнца 23 Октября войско, выступивъ изъ Атика, подошло къ Чувашскому мысу, стало въ строй. Ермакъ сказалъ имъ: «О други и братья! Умремъ за святыя Божіи церкви и постраждемъ за истинную Православную Вѣру, Благочестивому Государю и Царю, Великому Князю, Ивану Васильевичу, послужимъ, постоимъ противъ поганыхъ твердо, до крови и до самой смерти. О други и братья! Помолимся Богу и Пречистой Его Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, да сохранятъ насъ отъ враговъ!» Потомъ, возвысивъ голосъ, Ермакъ сказалъ: «Боже! Помози рабамъ твоимъ! О друзья и братья, съ нами Богъ!» [16] и бросились къ засѣкѣ. Непріятель сыпалъ стрѣлы, язвилъ Казаковъ, и съ трехъ сторонъ самъ, разломавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный: дѣйствовали сабли и копья. Но Казаки стояли крѣпкою стѣною, успѣвали заряжать пищали и бѣглымъ огнемъ рѣдили толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ и Иванъ Кольцо дѣйствовали впереди, повторяя громко восклицаніе: «Съ нами Богъ!» Слѣпой Кучумъ, стоя на Чувашскомъ мысу горы Алафейской съ Имамами и Муллами, взывалъ къ Магомету, прося его для спасенія Правовѣрныхъ (такъ называютъ се-

---

[15] Строгоновская лѣтопись стр. 34 и далѣе.

[16] Тамъ же, стран. 37 и 38.

бя Мусульмане). Къ счастію Русскихъ и къ ужасу Татаръ, Маметкулъ былъ раненъ, оставилъ сѣчу и увезенъ въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Войско Татарское безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ. Князья Остякціе дали тылъ, бѣжали и Татары. Кучумъ, слыша, что знамена Христіянскія уже развѣваются на засѣкѣ, [17] зная лишеніе своего Царства и имущества, сказалъ всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: «О Мурзы и Улановє! Побѣжимъ, не медлимъ, сами бо видимъ своего Царства лишеніе. Сильніи наши изнемогоша и храбріи наши вси побіени быша. Кто мя побѣди и Царства моего лиши! Простыхъ бо людей послаша на мя Строгоновы изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды,—Атамановъ и Казаковъ Ермака съ товарищами.» [18] Потомъ Кучумъ, пришедши въ городъ Сибирь, взялъ тамъ нѣсколько изъ своихъ сокровищъ, и со своимъ семействомъ и родственниками бѣжалъ изъ бывшихъ на Алафейской горѣ городовъ Сибири, [19] Бицикъ-Тура, [20] Сузги-Тура, [21] Абалака и другихъ въ Ишимскую степь.

Послѣ одержанной побѣды на 26 Октября, на день Св. Великомученика Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ дружиною совершили благодарственное Господу Богу моленіе, прославивши Бога, давшаго имъ таковую побѣду на бусурманъ и идолопоклонниковъ, и радостію веліею радующеся. «Воистину достойно воспомянути сію побѣду и въ предыдущая лѣта, яко не многимъ войскомъ таково царство взяша, помощію Всесильнаго и угодникомъ Его, страстотерпцемъ Димитріемъ.» [22] Утружденные сраженіемъ, Ермакъ съ Казаками уже ночью пришли съ боя въ свой городокъ Атикъ, укрѣпивъ его сильными караулами, и тамъ ночевали.

---

[17] Изъ знаменъ были главныя: одно съ изображеніемъ Спасителя, другое Святителя Николая. Они взяты были въ Тобольскій арсеналъ, и тамъ хранились.

[18] Строгоновская лѣтопись, стр. 39.

[19] Сибирь иначе Искеръ или Кучумово городище, на 20 верстѣ отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, въ сторону отъ дороги около версты.

[20] Бицикъ-Тура, женинъ городъ, гдѣ нынѣ Панинъ бугорокъ.

[21] Сузги-Тура, гдѣ жила Кучумова жена Сузге.

[22] Подлинныя слова Тобольскаго лѣтописца, доведеннаго до 1708 г., рукопись.

На завтра Ермакъ, повѣривъ число своихъ воиновъ, узналъ, что въ сраженіи вчерашняго дня было убито 107 Казаковъ его. Послѣ сего онъ, какъ побѣдитель, съ войскомъ вступилъ въ столицу Кучума, г. Сибирь. Вотъ подлинныя слова Сибирской лѣтописи: «Октября 26 дня разтворила заря врата пространныя, прогналъ свѣтъ тьму нощную. Пролило солнце лучи свои злато-видные, наступилъ день. Всѣ Казаки сотворили молитву къ Всемогущему Богу и Пречистой Его Богоматери и Приснодѣвѣ Маріи, и вступили въ походъ къ городу Сибири безбоязненно. По вступленіи въ городъ, благодарили Всещедраго Бога и Пречистую Дѣву Богородицу, и благодарное принесли молебное пѣніе. А вступили въ городъ въ день памяти святаго Великомученика Димитрія Солунскаго, за его вспоможеніемъ, Христіянскаго воина Воеводы, отъ небесъ посланнаго на пріятіе города и на побѣду бусурманъ.»[23]

На четвертый день, по взятіи Сибири, пришелъ къ Ермаку, съ рѣки Демьянки, Остяцкій Князь, по имени Бояръ, со многими Остяками, и поднесъ ему въ даръ много дорогой рухляди и съѣстныхъ припасовъ. Ермакъ принялъ Князя съ прочими очень благосклонно, и представлялъ изъ себя уже не какъ разбойника, но какъ Государя милостиваго. Равнымъ образомъ пришли съ дарами Татары, живціе по берегамъ Иртыша, Тобола и впадающихъ въ нихъ рѣкъ, которые, во время сраженія Ермака съ Кучумомъ, далеко отбѣжали изъ своихъ жилищъ. Ермакъ далъ имъ позволеніе возвратиться на свои мѣста, и обнадежилъ, что если они бу-

---

[23] Сибирская лѣтопись, рукопись, принадлежащая библіотекѣ Тобольской Семинаріи, подъ 1581 г., отдѣленіе 7. Съ начала покоренія Сибири и въ послѣдствіи почитали день, когда Церковь совершаетъ память и службу Великомученику Димитрію, и строили во имя его храмы. Сибирскій Митрополитъ, Филоѳей Лещинскій, устраивая новый иконостасъ въ Тобольскомъ соборномъ храмѣ Успенія, помѣстилъ во ономъ икону Св. Димитрія Солунскаго. Въ Тюменскомъ монастырѣ завѣщалъ устроить придѣлъ во имя сего «покровителя Сибири». Въ 1784 г., въ день памяти Св. Димитрія, 26 Октября, совершалось празднество 200 л. покоренія Сибири. Но въ послѣдующее время не видно, чтобы особенно праздновался въ Тобольскѣ день, посвященный памяти Св. Димитрія, который «много молится о людяхъ и святомъ градѣ (2 Маккав. XV 14) во благовременну намъ помощь.» (Евр. IV, 16.)

дутъ спокойно жить и исполнять его велѣнія, то имъ со стороны его ни какого вреда не будетъ.

Ноября 5 числа артель Казаковъ, изъ 20 человѣкъ, выѣхала къ городку Абалаку; тамъ, подъ высокимъ берегомъ, на лугу, при Иртышѣ, находится продолговатое озеро. Въ немъ Казаки ловили рыбу. Не опасаясь никого, ночью легли спать. Маметкулъ напалъ на нихъ и сонныхъ убилъ, одинъ только спасся и объявилъ Ермаку. Онъ того же дня съ войскомъ погнался за Маметкуломъ, настигъ его у Шалшинскихъ юртъ, при Иртышѣ. Тамъ, въ сраженіи, было побито много Татаръ, но Маметкулъ спасся бѣгствомъ.

Декабря 5 числа пришли къ Ермаку, съ многими подарками, два Князца: Ишоердей изъ за Эскалбинскихъ юртъ, и Суклемъ съ рѣки Суклема: они тоже были приняты ласково и отпущены.

На вѣрноподданство Россіи Ермакъ приказалъ Татаръ и Остяковъ привести къ присягѣ. Въ то же время наложилъ на нихъ погодную дань, разною мягкою рухлядью, особенно соболями. И такимъ образомъ былъ владѣтелемъ небольшаго Государства.

Съ донесеніемъ о покореніи Сибири Государю Ивану Васильевичу, Ермакъ, 22 Декабря, 7090 (1581) г., послалъ Атамана Ивана Кольцо съ 50 Казаками, и съ ними собранный ясакъ, состоящій изъ 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ, и челобитную. Она, по лѣтописцамъ, была слѣдующаго содержанія: «Изволеніемъ Всемилостиваго Бога Господа, въ Троицѣ славимаго, и заступленіемъ Владычицы нашей, Богородицы и присно дѣвы Маріи, и молитвами Великихъ Святителей, всея Россіи Чудотворцевъ, и счастіемъ Вашимъ, Государь и Великій Князь, Іоаннъ Васильевичъ, всея Россіи Самодержецъ, и непобѣдимымъ оружіемъ Вашимъ, Царство Сибирское мы, рабы твои, завоевали, и бусурманскаго Хана, Кучума, и вои его побѣдили, и подъ Вашу Царскую Самодержавную руку покорили, многихъ иноземцевъ къ шерти (присягѣ), по ихъ вѣрѣ, привели, чтобы быть имъ подъ Вашею Царскою рукою и ясакъ платить имъ повсягодно, какъ Вамъ, Государь, такъ и наслѣдникамъ Вашимъ, неотмѣнно, и всякія Ваши Государственныя службы служить вѣрно, и на непріятелей Вашихъ помощи давать, и къ Хану Кучуму и въ иные улусы и орды не

отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять крѣпко и непоколебимо.»[24]

Въ челобитной Ермакъ просилъ также о милостивѣйшемъ прощеніи, какъ за себя, такъ и за своихъ товарищей, въ прежнихъ ихъ преступленіяхъ, и просилъ, чтобы Государь прислалъ въ Сибирь Воеводу, который принялъ бы въ Сибири управленіе.[25]

По прибытіи въ Москву Атамана Кольца съ Казаками, они были представлены Государю, который повелѣлъ читать челобитную Ермака. За тѣмъ Иванъ IV повелѣлъ въ соборной Успенской церкви отправить благодарственный молебенъ, со звономъ во всѣхъ церквахъ. «Новое Царство далъ Богъ Россіи», съ живѣйшею радостію повторяли во дворцѣ, на Красной площади и во всей Москвѣ. Кольцо и Казаки его во время проживанія въ Москвѣ содержаніе получали отъ Государя.

Съ Кольцомъ послалъ Иванъ IV Ермаку грамоту съ совершеннымъ прощеніемъ его и Казаковъ, за прежнія ихъ злодѣянія. Въ награду Ермаку—два дорогіе панцыря, серебряный вызолоченный ковшъ, какими въ то время жаловали въ награду, соболью шубу «со своего плеча,» денегъ 100 р. и половинку сукна; Атаманамъ по шубѣ пяти человѣкамъ, а Кольцу, какъ второму по Ермакѣ, еще въ Москвѣ дано: шуба, половинка сукна, панцырь и 50 р. Казакамъ, бывшимъ съ нимъ въ Москвѣ, 50 человѣкамъ, дано по портищу сукна и по 5 руб. каждому. Прочимъ Казакамъ послалъ Государь денегъ, суконъ каждому по половинкѣ, вина и запаса со всякимъ довольствіемъ. Въ жалованной же грамотѣ Ермаку было написано: «Сибирскій Князь Ермакъ Тимофѣевичъ съ товарищами! За многую твою военную службу и за взятіе Сибирской земли въ винахъ Мы, Великій Государь, тебя прощаемъ и награждаемъ своимъ Государевымъ жалованьемъ.» Казаковъ же пожаловалъ деньгами и сукнами предовольно, и отпустилъ ихъ

---

[24] Сибирская лѣтопись, рукопись, принадлежащая библіотекѣ Тобольской Семинаріи, 1581 г., отд. 17; Описаніе Сибирскаго Царства, Миллера, книга 1, стран. 113.

[25] Витзенъ о Сѣверной и Восточной Татаріи, 2 изд., стр. 739.

въ Сибирь къ Князю Ермаку. [26] Они прибыли обратно 1-го Марта, 1582 года.

Два панцыря, присланные отъ Государя Ермаку, по описанію лѣтописца Ремезова, были стальные, битые въ пять колецъ, «мудрственно», длиною два аршина, въ плечахъ $1^1/_4$ аршина. На груди и между крыльцовъ Государственные гербы, золотые орлы, по подолу и рукавамъ обложка мѣдная на три вершка. [27]

Въ Московской Оружейной Палатѣ хранятся короны Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. [28] Нѣкоторые полагали, что Сибирская корона принадлежала Хану Кучуму, и что Ермакъ, по покореніи Сибири, отправилъ ее въ Москву къ Ивану IV. Другіе, отвергая это мнѣніе, догадываются, что корона Сибирскаго Царства сдѣлана въ Москвѣ, по случаю покоренія Сибири. Ибо народы полудикіе, не знавшіе учрежденій общественныхъ, не могли имѣть символовъ, означавшихъ верховную власть. [29] Но Сибирскіе Ханы имѣли сношеніе съ Болгарами, народомъ сильнымъ, образованнымъ и славившимся своею гражданственностію и торговлею. Между прочими торговыми путями Болгаровъ, дорога шла до Искера, а оттуда въ сѣверную Сибирь. Сибирскіе Ханы имѣли сношеніе съ Казанскимъ Царствомъ, обитатели котораго также не чужды были образованія, наконецъ съ Россіею. Ханъ Кучумъ имѣлъ понятіе о коронѣ. Гора, на которой были городки его: Сибирь или Искеръ, Бицикъ-Тура, Сузги-Тура и Абалакъ, называлась Алфейскою, отъ Арабскаго слова «алафа», корона. [30]

Ермакъ не упускалъ случая къ дальнѣйшему распространенію въ Сибири завоеваніи. Въ 1582 года, Февраля 20, онъ получилъ, чрезъ преданнаго ему, жившаго по близости, Татарскаго Мурзу

---

[26] Сибирская лѣтопись, рукопись библіотеки Тобольской Семинаріи, 1582 г., отд. 3.

[27] Списокъ Ремезовой лѣтописи въ Императорской Академіи Наукъ, стр. 93, листъ 29.

[28] Отечественныя Достопамятности. Москва, 1824 г., часть III, стр. 87.

[29] Живописное Обозрѣніе. Москва, т. III, стр. 117.

[30] Статья моя: «Гора Алафейская», Тоб. Губ. Вѣд. 1862 г., въ №№ 21 и 22.

Сеибахту Тагиша, извѣстіе, что Маметкулъ, съ немногими людьми, кочуетъ при рѣкѣ Вагаѣ, впадающей въ Иртышъ, на разстояніи отъ города Сибири въ 100 верстахъ. Ермакъ отправилъ туда 60 отборныхъ, по храбрости, Казаковъ, которые нашли Маметкула у озера Кулары, нечаянно напали на него ночью, и спавшихъ Татаръ много убили, а самаго Маметкула взяли въ плѣнъ. Онъ съ торжествомъ былъ приведенъ въ городъ Сибирь. Ермакъ обошелся съ нимъ благосклонно, обнадежилъ его Царскою милостію, далъ ему хорошое помѣщеніе, приставивъ къ оному, однако, строгій караулъ, а чрезъ нѣсколько времени отправилъ его, подъ присмотромъ Атамана Грозы, въ Москву. Изъ Разрядныхъ книгъ извѣстно, что онъ въ Россіи служилъ полковымъ Воеводой, въ 1590 году находился въ Шведскомъ походѣ, въ 1598 году былъ съ Царемъ Борисомъ въ Серпуховѣ, для пресѣченія нападенія Крымскихъ Татаръ. Маметкулъ былъ почитаемъ Царскимъ Дворомъ, при томъ вся Москва и войско его уважали.

Въ слѣдующую весну Ермакъ послалъ Пятидесятника, Богдана Брязгу, съ 50 Казаками, внизъ по Иртышу, привесть въ Россійское подданство Назымскую и Демьянскую, Тауртаскую и Уватскую волости. Князецъ Демьянъ, собравъ Остяковъ и Кондинскихъ Вогуловъ, ожидалъ Казаковъ въ своемъ крѣпкомъ и пространномъ городкѣ, находившееся на высокомъ мѣстѣ. Казаки три дня приступали къ этому городку, но взять его не могли, и уже на четвертый день Демьянъ имъ сдался.

Слѣдуя далѣе внизъ по Иртышу, Брязга съ Казаками, 20 Мая, прибыли къ городку Князя Самара. Этотъ Князь съ другими восемью Князцами, которыхъ, для помощи противъ Казаковъ, призвалъ, сопротивлялся Брязгѣ, былъ убитъ пулею, отъ чего другіе, а равно и собранные тамъ Остяки, испугались и разбѣжались. Въ городкѣ Самарѣ явился изъ Коды знатный и богатый Остяцкій Князь Алача, котораго Брязга на мѣсто убитаго Самара, опредѣлилъ и всѣ Кодскіе городки до Сугмутъ-Ваша, или настоящаго города Березова, ему подчинилъ.

Весною 1583 года самъ Ермакъ отправился въ походъ на рѣку Обь, для приведенія въ подданство тамошнихъ Югорскихъ и Остяцкихъ Княжествъ. Тамъ Ермакъ взялъ Кодское Княжество

съ городомъ Кодою и другими городками, [31] получилъ богатую добычу и наложилъ ясакъ. Слѣдуя далѣе, взялъ Казымскій городокъ, при рѣкѣ Казымѣ, впадающей въ Обь, гдѣ у тамошняго Князя найдено было много богатства.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ Ермакъ пошелъ въ другой походъ, по рѣкѣ Тавдѣ, для покоренія жившихъ по оной Вогуловъ. Тамъ взялъ Лабутинскій городокъ, полонилъ Князя Лабуту и получилъ въ добычу множество богатства. Онъ имѣлъ большое сраженіе съ Вогулами, при рѣкѣ Пачепкѣ, отъ чего находившееся тамъ озеро наполнено трупами, взялъ городки: Кошуки, Кондирбай и Табары, и собралъ съ тамошнихъ Вогуловъ ясакъ.

Когда Ермакъ возвратился въ городъ Сибирь, то къ нему посланъ былъ нарочный отъ Мурзы Карачи, который имѣлъ свое жительство около рѣки Тары. Карача просилъ Ермака, чтобы онъ отправилъ къ нему нѣсколько Казаковъ на помощь противъ Казачей (Киргизъ-Кайсацкой) Орды, которая грозилась сдѣлать нападенія на Карачины жилища. Ермакъ, повѣривъ этому, отправилъ Атамана Ивана Кольцо съ 40 Казаками. Но, по прибытіи ихъ къ назначенному мѣсту, Карача всѣхъ ихъ убилъ.

За тѣмъ Карача собралъ многочисленное войско изъ Татаръ и подошелъ къ городу Сибири, чтобы держать его въ осадѣ, съ предположеніемъ, когда всѣ съѣстные припасы у Русскихъ тамъ кончатся, принудить ихъ къ сдачѣ города. Марта 12 числа, 1584 года, онъ окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Казаки ночью на 9 число Мая, или день праздника Святителя Николая, сдѣлали вылазку, нашли дорогу, вблизи города мимо Татарскихъ карауловъ, прошли тайно и тихо, и нечаянно напали на своихъ непріятелей въ Саусканѣ. Тамъ большая часть ихъ побита, въ числѣ ихъ и два сына Карачи, самъ же Карача бѣжалъ. И какъ обложившіе городъ Сибирь Татары получили свѣдѣніе о нападеніи Казаковъ на кочевья Карачи, то утромъ тотчасъ поспѣшили туда и напали на Казаковъ. Сраженіе продолжалось до полудни, и хотя

---

[31] Кода, гдѣ жилъ тогда Кодскій Князь; въ послѣдствіи тамъ основалось село и Кодинскій Троицкій монастырь.

Казаки жестоко тамъ потерпѣли, но наконецъ непріятель съ великимъ урономъ отбитъ, и Русскіе съ побѣдою возвратились въ городъ Сибирь.

За тѣмъ Ермакъ, продолжая свои завоеванія вверхъ по Иртышу, взялъ городокъ Князя Бегиша, находившійся на высокомъ мысу горы, повыше озера Бегишевскаго, при рѣкѣ Иртышѣ. Оттуда пошелъ Ермакъ въ Шамши, Рянчикъ, Залу и Каурдакъ. Шамши находился въ 20 верстахъ отъ Абалака. При Залѣ было небольшое сраженіе, а изъ Каурдака всѣ бывшіе жители убѣжали въ дремучіе лѣса. Потомъ Ермакъ дошелъ до городка Саургаша. Тамъ владѣлецъ, надѣясь на свою силу, приготовился къ сопротивленію, однако жь скоро приведенъ былъ Казаками въ подданство Россіи. За тѣмъ былъ на дорогѣ городокъ Тебенда, гдѣ Князецъ Елыгей, изъ поколѣнія Ишимскаго Хана, Саргачика, имѣлъ свое жилище. Онъ добровольно покорился Ермаку, принесъ ясакъ и подарки. Привелъ было къ нему и дочь свою, прекрасную дѣвицу, которую Ханъ Кучумъ доступалъ въ замужество за своего сына, но Ермакъ этого предложенія не принялъ, и далъ приказъ Казакамъ, чтобы не касались этой дѣвицы.

При устьѣ р. Ишима Ермакъ съ Казаками встрѣтили сопротивленіе. На бывшемъ тамъ сраженіи убито пять Казаковъ, въ память которыхъ Татары сложили пѣсню; она начинается такъ: «Янымъ, янымъ, бишъ Касакъ», т. е., «Воины, воины, пять Казаковъ». Побѣда была на Русской сторонѣ.

Слѣдуя далѣе вверхъ по Иртышу, Ермакъ пришелъ въ укрѣпленный городокъ Куллару, на западномъ берегу Иртыша, при озерѣ Аусаклу. Это мѣсто прежде служило Хану Кучуму для защищенія границъ противъ Ногайцевъ. Пять дней Ермакъ силился взять это укрѣпленіе, но отступилъ безъ успѣха.

За тѣмъ слѣдующій на пути Татарской городокъ назывался Ташатканъ. Тамъ жители безъ боя сдались и принесли все, что отъ нихъ было потребовано. Около этого городка тогда лежалъ камень багроваго цвѣта, величиною съ санный возъ, о которомъ Татары объявили Ермаку, что онъ упалъ съ неба, и отъ него происходитъ по временамъ холодъ, дождь и снѣгъ. По суевѣрію

Татаръ, есть нѣкоторые камни, называемые ими «гипъ ташъ», т. е., камни, производящіе погоду. Послѣ сего Ермакъ дошелъ до Татарской деревни Шишъ-Тамака. Жители ея были бѣдны, и Ермакъ поступилъ съ ними кротко, не требуя подарковъ. Оттуда онъ пошелъ обратно. По прибытіи въ Ташаткапъ, получилъ свѣдѣніе, что идетъ въ Сибирь Бухарскій караванъ съ товарами, по берегу р. Вагая. Ермакъ, для принятія этого каравана, ѣхалъ до Агицкаго городка. По прибытіи къ Атъбашу, Ермакъ, не видѣвши каравана и не получивъ объ немъ подтвердительнаго свѣдѣнія, гдѣ именно онъ находится, догадался, что свѣдѣніе, сообщенное ему о ходѣ каравана, ложное, и по тому, не дожидаясь его, спѣшилъ въ г. Сибирь. Доѣхавши до перекопи, которую онъ незадолго предъ тѣмъ велѣлъ прокопать изъ озера Табая въ Иртышъ, за наступленіемъ темной ночи и для отдохновенія послѣ похода, расположился ночевать на берегу острова, который окруженъ р. Иртышемъ и перекопью, не опасаясь нападенія отъ непріятеля, котораго близко не предвидѣлъ. Хотя и разставлены были караулы, но отъ бывшаго вѣтра и проливнаго ночью дождя, караульные плотно закрылись и заснули. Между тѣмъ Кучумъ издали велѣлъ наблюдать за походомъ Ермака и узналъ о неосторожности его и Казаковъ въ ночлегѣ съ 5 на 6-е Августа, подошелъ въ полночь къ стану и убилъ всѣхъ Казаковъ. Самъ Ермакъ въ то время не былъ убитъ. Онъ пробился сквозь непріятеля къ стоящимъ у берега судамъ и былъ уже отчасти въ безопасности. Хотѣлъ перескокомъ, съ одного судна на другое, спастись, но это послѣднее судно отъ берега нѣсколько вѣтромъ удалилось, и Ермакъ, оскочившись, палъ въ воду, а имѣя на себѣ тяжелые, жалованные Царемъ, панцыри, не могъ выплыть, утонулъ. Мертвое тѣло его найдено, 13 Августа, при Татарской деревнѣ Епанчинскія Юрты, которыя отъ Абалака вверхъ по Иртышу въ 12 верстахъ. По снятіи съ него панцырей и кафтана, Татары раздѣлили ихъ. Одинъ панцырь достался Татарскому Мурзѣ Кайдаулову, другой Остяцкому Кодскому Князю Алачѣ, кафтанъ Татарскому Князю Сейдяку, а сабля Мурзѣ Карачѣ. Въ 1651 г., по грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, панцырь у Кайдаулова взятъ, и Тобольскимъ Воеводой, Княземъ Иваномъ Андреевичемъ

Хилковымъ, съ Сотникомъ Ремезовымъ отправленъ въ подарокъ (Калмыцкому) Тайшѣ Аблаю. [32]

Миръ праху твоему, Ермакъ!
Да увѣнчаютъ Россіяне
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребръ Сибири источенна
Твоимъ булатнымъ копіемъ. [33]

Сибирскій лѣтописецъ такъ описываетъ видъ и душевныя свойства Ермака: «Бѣ бо вельми мужественъ, и разуменъ, и человѣченъ, и зраченъ, и всякой мудрости доволенъ, плосколицъ, черпъ брадою и власы, прикудрявъ, возрастъ средній и плоскъ, плечистъ. [34]

Вотъ очеркъ жизни Ермака, покорителя Сибири. Пусть потомство забудетъ черныя строки въ его первоначальной, удалой жизни, и не осуждаетъ человѣка, загладившаго свои преступленія великою заслугою Отечеству! Можетъ быть, Ермакъ доведенъ былъ до злодѣйской или, какъ тогда называлось, удалой жизни дурнымъ товариществомъ, или другими какими ни будь неблагопріятными для него обстоятельствами; можетъ быть, ему желательно было и прежде, нежели пошелъ въ Сибирь, оставить разбойническую жизнь, но не встрѣтилось удобнаго случая вырваться изъ среды своихъ товарищей, избравшихъ его Атаманомъ. Можетъ быть, находясь въ ватагѣ разбойниковъ, онъ чувствовалъ внутри себя ту непонятную силу, какою Провидѣніе одаряетъ людей, назначенныхъ свыше къ исполненію великихъ Его намѣреній. [35] Но въ путяхъ Провидѣнія, для дѣлъ великихъ часто избираются слабыя орудія, да немощь ихъ яснѣе покажетъ всодѣтельную силу Божію.

---

[32] Сибирская лѣтопись, рукопись библіотеки Тобольской Семинаріи, 1651 г., отд. 3.

[33] И. И. Дмитріевъ, въ Ермакѣ.

[34] Вышепривезенная Сибирская лѣтопись Ремезова.

[35] Изъ разсужденія моего (когда я былъ Учителемъ Тобольскаго Уѣзднаго Училища), читаннаго на публичномъ актѣ Училища въ 1840 г.

Но въ книгѣ судебъ написано Ермаку жить въ Сибири не долѣе, какъ около четырехъ лѣтъ, не опредѣлено самому его продолжать дальнѣйшія завоеванія. Хитростію Хана Кучума онъ лишился жизни. И по тому, что трудами его, военною опытностію, храбростію и кровію его дружины было пріобрѣтено, на присоединеніе къ Россіи, все со смертію его потеряно. Присланный въ Сибирь Воевода и Русскіе люди бѣжали въ Россію. Татары снова овладѣли Сибирью, и сынъ Кучума, Алей, принялъ въ ней управленіе, но вскорѣ замѣненъ Сейдякомъ, сыномъ Бекбулака, Князя Сибирскаго, котораго Кучумъ убилъ и овладѣлъ Сибирью, около 1540 г. Судя по этому, кажется, что Ермакъ ни чего по завоеванію Сибири потомству не оставилъ, за что можно было бы почитать его память. Страна эта со всѣми ея жителями, сокровищами, по тремъ царствамъ природы, завоевана уже послѣ него, то войсками, присылаемыми отъ Русскихъ Царей, то стараніемъ и дѣйствіями сначала Воеводъ, потомъ другихъ высшихъ правителей Сибири. [36] Ермакъ имѣлъ всѣ достоинства героя, трезвость, воздержаніе жизни, довѣренность и дружбу къ товарищамъ, духъ предпріимчивости, тонкость въ выдумкахъ, рѣшительность въ непредвидимыхъ трудностяхъ, храбрость, желаніе загладить вины свои и быть полезнымъ Отечеству, раскаяніе въ грѣхахъ и набожность. Наиболѣе же подкрѣпляли его Вѣра и хоругвь Спасителя, въ войскѣ его развѣвавшаяся. Хотя Ермакъ Тимоѳеевичъ ни чего особеннаго потомству по завоеванію Сибири не оставилъ, кромѣ памяти о храбрости и сказанныхъ его душевныхъ свойствахъ, да кромѣ иконъ, изъ походной его часовни, во имя Святителя Николая, [37] но dimidium facti habet, qui bene coepit, т. е., хорошее начало—половина дѣла. Пусть эта мысль Горація, древняго Римскаго поэта, принадлежитъ Сибирскому герою! Безъ на-

---

[36] Изъ того же моего разсужденія.

[37] Въ Тобольскомъ церковномъ храмѣ находится образъ Христа Спасителя съ предстоящими, поступившій съ прочими изъ часовни Ермаковой. Въ числѣ ихъ имѣлась икона Святителя Николая, которую бывшій Архіепископъ Тобольскій Евгеній, въ Іюлѣ 1826 г., препроводилъ въ С. Петербургъ ко дню коронованія Государя Императора Николая Павловича. По прежнимъ и новымъ описямъ Тобольскаго собора. Статья моя: «Старинныя иконы въ Тобольской Епархіи,» напечат. въ 1 томѣ «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества.»

чала покоренія Сибири Ермакомъ, Иванъ IV, пріобрѣтши, въ свою очередь, два Царства, Казанское и Астраханское, приближавшійся уже тогда къ закату дней своей жизни, едва ли бы рѣшился на покореніе Сибири, состоявшей подъ управленіемъ усилившагося Кучума. Безъ начала Ермакова, кроткій, мирный и слабый здоровьемъ Царь Θедоръ Ивановичъ не послалъ бы, въ 1586 году, войска къ возвращенію Сибири. Безъ начала Ермакова, Царь Борисъ, въ семилѣтнее свое царствованіе, среди Государственныхъ занятій, не сдѣлалъ бы такихъ умныхъ и благодѣтельныхъ повелѣній, какія потомство читаетъ въ Исторіи его. Но что говорить о времени по смерти Годунова, когда бѣдствія раздирали сердце нашего Отечества, когда вѣнецъ Царскій перелеталъ съ главы на главу, искалъ достойнаго носить его, когда сама Россія была въ рукахъ непріятелей и едва не лишилась своей самостоятельности? Кто могъ тогда подумать о завоеваніи Сибири? И если бы незабвенный потомствомъ Ермакъ не проникнулъ туда въ царствованіе Ивана IV, то можно полагать, что Сибирь покорена была бы не ранѣе царствованія Михаила Θедоровича Романова, который, оградивъ самую Россію отъ внѣшнихъ непріятелей, терзавшихъ ее во время Самозванцевъ и междуцарствія, устроилъ гражданское благосостояніе и миръ въ ней.

Покоритель Сибири скончался, слава побѣдъ погребена съ нимъ, но храбрость и военныя дѣла его не могли выходить изъ памяти покоренныхъ имъ народовъ. Они во всякомъ Русскомъ начали ожидать новаго завоевателя Сибири, который принесетъ опять громы оружія и имя Царя Бѣлаго. Послѣ побѣдъ и завоеваній Ермака тогдашніе Татарскіе правители упали духомъ. Всѣ военныя ихъ хитрости храбростію Ермака ослаблены. Азіятская отважность, при нападеніяхъ на непріятеля, исчезла, и мѣсто ея заступило отчаяніе. Тайное предчувствіе внушало имъ, что время Татарскаго владычества въ Сибири кончилось и опредѣленіе судьбы скоро надъ ними совершится. Сибирью опять овладѣютъ Русскіе и народы ея сдѣлаются подданными Христіянскаго Государя.

Отъ имени Ханской столицы, Сибири, назвалась этѣмъ именемъ и вся тамошняя страна. Царь Θедоръ Ивановичъ въ 1586 г. отправилъ въ Сибирь новое войско, подъ начальствомъ Воеводы Василья Сукина, товарища его, Ивана Мяснова, и Пись-

меннаго Головы, Данила Чулкова. Они, по проплытымъ Ермакомъ рѣкамъ, прибыли въ область Сибирскую, и первые два основали городъ Тюмень. Письменный Голова Чулковъ, съ 500 Казаковъ, по р. Турѣ и Тоболу дошелъ до устья сего послѣдняго, и основалъ Тобольскъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи главнымъ, стольнымъ городомъ Сибирскаго Царства. Отъ этѣхъ двухъ городовъ началось дальнѣйшее покореніе Сибирскаго края. Тамошніе Воеводы и другіе бывшіе правители, соревнуя другъ другу, приводили въ подданство туземные народы и племена, и въ продолженіи 280 лѣтъ къ Россіи присоединилась обширнѣйшая полоса мѣстности отъ Уральскихъ горъ до Тихаго океана и отъ Ледовитаго моря до владѣній Китая и Туркестанской области. Площадь, заключающаяся въ этѣхъ предѣлахъ, по примѣрному исчисленію, вмѣщаетъ до 12,702,746 квадратныхъ верстъ.[38] Народонаселеніе простирается до 4,230,938 д.[39]

Природа въ Сибири величественна и разнообразна. Богатства ея неисчислимы, по всѣмъ тремъ царствамъ природы. Приведу здѣсь, по крайней мѣрѣ, драгоцѣнности. Золото, серебро, драгоцѣнные разноцвѣтные каменья: изумруды, тяжеловѣсы, хрисолиты, бериллы, аквамарины, аметисты, турмалины; дорогіе звѣри: лисицы, соболи и бобры.

Вотъ картина Сибири:

Дщерь Азіи, богато надѣленна,
По статнымъ и дороднымъ раменамъ
Бобровою порфирой облеченна,
Съ собольими хвостами по грудямъ,
Царевна сребряный вѣнецъ нося́ща
И пестрой насыпью камней блестяща,
Славянъ наперсница, ордъ грозныхъ мать—
Сибирь, тебя мнѣ любо вспоминать!

Первый Сибирскій Архіепископъ, Кипріанъ, на другой годъ своего пріѣзда въ Тобольскъ, въ 1622 г., призвалъ къ себѣ остав-

---

38 Числительныя данныя о поверхности Азіятской Россіи М. И. Венюкова. Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. I, № 3-ii, 1865 г.

39 Календарь на 1866 г.

шихся въ живыхъ Ермаковыхъ воиновъ, распросилъ ихъ о сраженіяхъ съ Татарами, сколько было всей дружины и кто изъ нихъ гдѣ убитъ. Казаки доставили ему письменныя свѣдѣнія. Имена Ермака и Казаковъ, убитыхъ при покореніи Сибири, Архипастырь велѣлъ записать въ Синодикъ соборной Софійской церкви и «заповѣдалъ», въ Недѣлю Православія (Сборное Воскресенье) въ соборѣ Протодіякону «велегласно кликами воспоминати имена ихъ и возглашать имъ вѣчную память каждогодно» до скончанія, т. е., и въ будущія времена: «Преданія сохрани, преданіе держите» (2 Солун. 2, 15; 1 Тимоѳ. 6, 20, Коринѳ. 11, 2). [40]

Въ Синодикѣ записано: «Помяни, Господи, пострадавшихъ, ради имени Твоего Святаго и кровь свою пролившихъ по благочестіи, побѣдиша въ Сибири безбожнаго Царя Кучума, Атамановъ: Ермолая (Ермака — Василія), Іоанна (Кольцо), Никиту, Іакова, Матоѳея и дружину ихъ: Сергія, Іоанна 3, Андрея 3, Тимоѳея 2, Іоакима, Григорія, Алексѣя, Никона, Михаила, Тита, Ѳеодора 2, Іоанна 20, Артемія, Логина, Іоанна, Владиміра, Василія 2, Лукіана, Іакова, Савву, Петра 2, и прочую ихъ дружину, а имена ихъ Ты, Господи, вѣси; согрѣшенія ихъ презри и сподоби всѣхъ ихъ небеснаго Твоего Царствія!» [41]

Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣть соизволилъ: «Поставить въ Тобольскѣ памятникъ Ермаку, подвиги котораго открыли первый путь къ обогащенію, извлекаемому нынѣ изъ Сибири.» Этотъ памятникъ состоитъ изъ мраморной пирамиды, имѣющей въ основаніи 6 аршинъ и 6 вершковъ, вышиною 7 саж. 14 вершковъ. Подножіе пирамида имѣетъ гранитное. Всѣ части памятника были строены и обдѣланы на Горношитскомъ заводѣ, на счетъ Кабинета Его Величества; расходы, потребные для отдѣлки нижней гранитной части, для доставки пирамиды на мѣсто, установки оной, для основанія и проч., покры-

---

[40] Статья моя: «Кипріанъ, первый Архіепископъ Сибирскій.» Духовный журналъ Странникъ 1864 г., въ книжкѣ за Августъ, и Тобольскія, Губ. Вѣд. за 1858 г. № 4.

[41] Сибирская лѣтопись, рукопись библіотеки Тобольской Семинаріи, подъ 1622 г., отд. 6.

вались изъ суммы частныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ по подпискѣ, преимущественно владѣльцами заводовъ и золотосодержащихъ розсыпей. Сверхъ того, 10 Мая, 1837 г., Высочайше назначено изъ Государственнаго Казначейства 11,000 р. асс., для удовлетворенія окончательныхъ потребностей по сооруженію памятника, для которыхъ оказалось недостаточною сумма, образовавшаяся изъ добровольныхъ приношеній. На заведеніе рѣшетки около памятника Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Демидовъ и Корнетъ Яковлевъ пожертвовали по 3000 р. асс.

Въ 1837 г. Государь Наслѣдникъ Престола, Великій Князь Александръ Николаевичъ, нынѣ, Божіею милостію, благополучно царствующій Императоръ, при посѣщеніи Тобольска, 1 — 3 Іюня, удостоилъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ предположено было постановить памятникъ Ермаку.

Въ 1839 г., Августа 23, происходило въ Тобольскѣ открытіе памятника Ермаку, покорителю Сибири, слѣдующимъ образомъ: По окончаніи литургіи въ 11 часовъ до полудня прибыли въ Тобольскій каѳедральный соборъ Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири, Генералъ отъ инфантеріи, Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ (пріѣхавшій по этому случаю изъ Омска 20 Августа), Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Иванъ Дмитріевичъ Талызинъ, гражданскіе чиновники и граждане (военные же съ войсками находились близъ памятника). Подняты было иконы, и Ректоръ Тобольской Семинаріи, Знаменскаго монастыря Архимандритъ Евѳимій (Преосвященный Архіепископъ Аѳанасій отбывалъ для обозрѣнія Епархіи), со всѣмъ городскимъ духовенствомъ пошли къ памятнику, при звонѣ во всѣхъ городскихъ церквахъ. По приходѣ туда началось благодарственное Господу Богу молебствіе. Послѣ освященія воды отецъ Архимандритъ окропилъ памятникъ святою водою (для чего прежде сняли съ памятники холщевой чехолъ), также войско, шедши по рядамъ, и по приходѣ на мѣсто молебна, произнесъ чувствительную рѣчь. Послѣ многолѣтія Государю Императору и всей Августѣйшей Фамиліи и пѣнія «многая лѣта,» Діаконъ произнесъ: «Ермаку Тимоѳѣевичу вѣчная память», а затѣмъ Всероссійскому Христолюбивому и побѣдоносному

воинству «многая лѣта!» Изъ пушекъ произведенъ былъ 101 выстрѣлъ. [42]

За всѣми выше сказанными доводами, можетъ ли потомство не почитать безсмертныхъ подвиговъ Ермака, когда перворoдный сынъ Императора, первый изъ Царственной Фамиліи посѣтившій Сибирь, удостоилъ своимъ взоромъ то мѣсто, на Чукманѣ, гдѣ нынѣ красуется памятникъ Ермаку; когда Императоръ Николай I-й, отличивъ подвиги, почтилъ Ермака, утвердивъ его въ имени «покорителя Сибири,» постановленнымъ памятникомъ, съ надписью:« Покорителю Сибири, Ермаку». Въ этой надписи выражается благоволеніе къ нему Монарха, благодарность потомства. Да, Ермакъ былъ великій человѣкъ — герой, и съ этѣмъ именемъ пусть останется на вѣки у потомства!

Великій! Гдѣ бъ ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ,
Твой подвигъ въ жизни совершился,
Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ.
. . . .
. . . .
. . . .
Но ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падетъ! [43]

---

[42] Всѣ выше изложенныя о памятникѣ свѣдѣнія изъ моихъ записокъ, веденныхъ во время проживанія моего въ Тобольскѣ.

[43] Изъ стихотворенія И. И. Дмитріева.

Изъ 4-й книги «Чтеній» въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1867 года.

Москва. Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.), на Страстномъ бульварѣ.

